

И за несколько лет у него уже зарождалась эта мысль, он даже ставил эксперименты. Хотя они не увенчались успехом, он по крайней мере разобрался в процедуре и понял, что именно нужно улучшить. В этом вопросе он был уверен примерно на семьдесят процентов, а может, и выше!

— Спасибо тебе, Лан, — стоило нервному напряжению отпустить её, как Мин Юэ обмякла и упала в объятия Ланса, а на её щеках еще виднелись следы просочившихся слёз.

— Юэ, не бойся, я обязательно тебе помогу, — прижимая к себе потерявшую сознание девушку и легко целуя её в лоб, пообещал Ланс, словно давая клятву.

Шатаясь и спотыкаясь на ходу, смертельно пьяный Ао Чэнь вернулся в свою квартиру. Трудно было поверить, что в таком состоянии он вообще смог безопасно доехать за рулём. Подняв взгляд на окна, он увидел яркий свет, и в его сердце внезапно вспыхнула искра надежды — Хань вернулся!

— Бац!

Он изо всех сил взлетел по лестнице и распахнул дверь, но... дома его ждал вовсе не Хань, а родители. Заметив его возвращение, Чэнь Сытин тут же подбежала, поддержала пошатывающегося сына и с глубоким беспокойством в голосе заботливо произнесла:

— Сяо Чэнь, зачем же ты так напился?

— Не твоё дело, — отмахнувшись от её рук, Ао Чэнь холодно посмотрел на родителей и повернулся, собираясь уйти. Он всё ещё не мог простить им того, что они вынудили Ханя сбежать, и, пожалуй, это было единственное, с чем он не мог смириться до конца своих дней.

Обрести любимого человека трудно. Жизнь человека не так уж длинна, но и не так уж коротка. И всё же встретить того, к кому искренне лежит душа, — поистине великая редкость. Упустив его, уже не встретишь никого, кто смог бы вновь заставить сердце забиться. Он был уверен, что за всю оставшуюся жизнь больше никого не полюбит.

Десять лет. Он потратил целых десять лет, чтобы любить Ханя и заслужить его доверие. Он прекрасно знал, сколько тревог и сомнений таится в сердце Ханя, и думал, что поступает правильно, думал, что уже завоевал его полное доверие. Но... когда Хань ушёл, Ао Чэнь с ужасом осознал, что внутренний страх возлюбленного не только не исчез от его заботы и нежности, но, напротив, разросся ещё сильнее. Он ненавидел родителей за то, что они прогнали Ханя, но ещё больше ненавидел себя за то, что не сумел вовремя заметить его тревогу. Узнай он об этом раньше, прими меры вовремя — Хань ни за что бы не ушел с разбитым сердцем.

Внезапно его сердце пронзила беспричинная боль, от которой у него чуть не перехватило дыхание. Зажав грудь рукой, он медленно сполз по стене на пол. В голове мелькнула догадка, заставившая его содрогнуться в ознобе: только бы... только бы с Ханем ничего не случилось...

Смутно припоминался один зимний день, когда на Ханя по дороге с работы домой напали грабители. Тогда он испытывал точно такую же тревогу и душевную боль. Как же теперь, при этом внезапном приступе боли, ему не терзать себя страхом? О небеса, умоляю вас, только не позволяйте Хане пострадать! Я готов принять любые ваши кары, только уберегите Ханя, я готов на всё, умоляю...

— Посмотри на себя, что это за тон? Как ты смеешь так разговаривать с матерью? — Чжо Буфань, отец Ао Чэня, вне себя от ярости закричал на сына, видя, как тот обошелся с женой: — Из-за какого-то мужика! Посмотри, на кого ты стал похож? Разве ты похож на моего сына? Разве ты похож на наследника корпорации Чжо?

— Да что со мной не так? Что со мной не так?! — столкнувшись с отцовским гневом, Ао Чэнь не остался в долгу и взревел в ответ: — И что с того, что я ради него изменился?! Если тебе это не нравится, можешь отказаться от меня как от сына! Мне не нужна корпорация Чжо, пускай я пропаду пропадом, оставьте меня в покое!

— Ах ты... Ах ты... — задохнувшись от ярости из-за его слов, Чжо Буфань с мрачным лицом уставился на жену и крайне недовольно бросил: — Сама посмотри, вот кого ты воспитала! Он смеет говорить такое! Поистине — мягкосердечная мать порождает непутёвых детей!

— Муж мой, как ты можешь такое говорить? — и без того бледное лицо Чэнь Сытин при этих словах искажилось еще сильнее. Она стерпела подобное обращение от сына, но теперь муж упрекал её в том же самом. Привыкшая всю жизнь купаться в заботе, она никак не могла этого принять, её глаза мгновенно покраснели, и она обиженно всхлипнула: — Ты же сам всё подстроил с самого начала, с какой стати теперь сваливать вину на меня? Я... у-у...

Стоило любимой жене расплакаться, как суровый с виду мужчина мгновенно растаял, заключил её в объятия и с глубоким раскаянием зашептал:

— Ладно-ладно, это моя вина, не плачь. Ты же знаешь, я совершенно беспомощен перед твоими слезами, эх...

— Хань... — небывалая боль иссушила душу Ао Чэня. Он чувствовал себя одиноким утопающим, затерянным посреди бескрайнего бушующего океана — без единого выхода, обреченным на гибель.

— Сяо Чэнь, что с тобой?

Заметив неладное — бледное лицо сына и выступивший на лбу холодный пот, — даже гневавшийся Чжо Буфань остыл и принялся наблюдать за его состоянием. Супруги подвели его к дивану, усадили, и отец, приложив руку ко лбу сына, в испуге воскликнул: — Ао Чэнь, что с тобой? Не пугай отца!

— Я в порядке, — внезапно боль отступила, сменившись безграничной пустотой и одиночеством. Отвергнув их заботу, Ао Чэнь смахнул протянутые руки, закрыл глаза и откинулся на спинку дивана, игнорируя попытки родителей утешить его. Родственные узы между родителями и детьми не так-то просто разорвать, их общую кровь было невозможно отрицать; он боялся, что, стоит его сердцу смягчиться и простить их, он... он забудет все те обиды, что выпали на долю Ханя...

— Хорошо, прекрасно! — гордый Чжо Буфань, которого сын отвергал раз за разом, с каких это пор терпел подобное отношение? Даже собственного кровного сына он не собирался прощать просто так. Раз уж тот не хочет внимать по-хорошему, нужно было найти способ как следует его приструнить. На губах мужчины заиграла расчетливая усмешка, и он спросил: — Ты ведь так сильно хочешь отыскать этого мужика?

— Ты знаешь, где Хань? Это ты его спрятал? — услышав слова отца, Ао Чэнь тут же заприметил неладное, выпрямился во весь рост и принялся допытываться.

— Что за глупости ты мелешь? С какой стати мне его прятать? Если бы я захотел заставить его уйти, у меня нашлось бы множество способов сделать так, чтобы он исчез! — брови Чжо Буфая сошлись на переносице, во взгляде вспыхнула ярость. Мало кто мог оставаться спокойным под таким суровым выражением лица, но жена и сын были в числе тех редких исключений. Будучи крайне недовольным тем, что его неправильно поняли, он окончательно вышел из себя: — Если хочешь его отыскать, возвращайся на работу в компанию! Иначе клянусь, ты никогда его не найдешь!

— Чего ты добиваешься?! — соскочив с дивана, Ао Чэнь возвысился над отцом благодаря своему росту и, нимало не заботясь о пытавшейся вмешаться матери, выплеснул всю накопившуюся злость и негодование: — Говори прямо, хватит ходить вокруг да около! Отец, это совсем не в твоём стиле!

— Если ты станешь генеральным директором корпорации Чжо, думаю, кого бы ты ни захотел отыскать или с кем бы ни пожелал забавляться — мужчиной или женщиной, — всё станет возможно! — логично разложив всё по полочкам, Чжо Буфань своими доводами и намерениями сбил с толку присутствующих мать и сына. — Время побеждает всё, время — лучший судья во всех делах. В течение трех лет я требую, чтобы ты вывел корпорацию Чжо в тройку лидеров мирового рынка и заставил Темную Империю считаться с нами. К тому времени я больше не стану препятствовать твоим отношениям с кем бы то ни было и не буду принуждать тебя к женитьбе. Хочешь разыскать того мужчину — пожалуйста, хочешь связаться с другим — тоже не стану возражать!

— Серьезно? — он не то чтобы не доверял отцу, просто за тем числилось слишком много темных делишек и хитроумных планов в прошлом, как же было поверить его обещаниям?

— Абсолютно! Если не веришь, давай подпишем договор, — достав со столика папку с документами, Чжо Буфань протянул её сыну. Эту комбинацию он продумывал уже давно, оставалось только дожидаться, пока сын сам угодит в сети!

Бегло просмотрев пункты соглашения и то и дело поглядывая на отца, оценивая каждое его слово и движение, Ао Чэнь задал лишь один вопрос:

— А свидетели? Мне нужен свидетель, имеющий юридическую силу, иначе...

— Ладно, пусть будет как хочешь, у меня нет возражений, — лишь бы тот принял корпорацию Чжо под своё крыло, а остальное уладится. Пахав большую часть жизни, он наконец-то сможет выйти на пенсию. И хотя на дне души шевелось легкое чувство вины перед незнакомым ему парнем, оно быстро испарилось, уступив место радостному предвкушению заслуженного отдыха.

— Хорошо. Как только всё будет улажено, я объявлю об уходе из шоу-бизнеса, — он верил, что отцу по силам скрыть следы Ханя, и еще больше верил в то, что ради передачи семейного дела тот пойдет на любые меры. Чтобы как можно скорее отыскать Ханя и обеспечить им обоим счастливое будущее, уход из шоу-бизнеса был необходим. Обладать силой для защиты Ханя тоже было необходимо, поэтому предложение отца лишь ускорит воплощение его собственного плана. Стоило только прочно занять кресло генерального директора корпорации Чжо, и он сумеет оградить Ханя от любых невзгод.

В больничной палате Хань походил на ангела, спустившегося с небес. Казалось, он просто погрузился в сон, а не получил тяжелые травмы. Войдя в комнату и увидев брата, Мин Юэ не смогла сдержать слёз — как же всё дошло до такого?

Она включила телевизор: на экране шла прямая трансляция пресс-конференции по случаю ухода из шоу-бизнеса небесного короля Ао, преуспевшего в кино, телевидении, музыке и на подиуме. Мин Юэ надеялась, что эта новость затронет струны в душе Ханя и вызовет у него хоть какой-то отклик, способный сотворить чудо.

— Я, Чжо Аофань, официально заявляю, что с сегодняшнего дня покидаю шоу-бизнес. Благодарю всех за неизменную поддержку и воодушевление. Хотя это решение прозвучит внезапно и резко, я прошу вас с пониманием отнестись к нему. Огромное спасибо моим фанатам за то, что были со мной всё это время, спасибо моему менеджеру и моему агентству, спасибо всем, — закончив говорить, он глубоко поклонился объективам камер.

Ведущий перехватил инициативу:

— А теперь наступает время вопросов от зрителей. Если у кого-то есть сомнения или вопросы, можете их задать, наш король Ао постарается развеять любые ваши сомнения!

Одна из журналисток с пресс-картой поднялась с места и спросила:

— Скажите, небесный король Ао, не связаны ли ваши действия с болезнью?

— Нет, я абсолютно здоров, спасибо! — элегантная улыбка Ао Чэня покорила сердца всех присутствующих, но не могла согреть его собственное сердце.

— Здравствуйте, небесный король Ао! Я репортер с портала Развлекательный эфир. Месяц назад на вашем концерте вы уже намекали на подобные планы ради любимого человека. Неужели это решение связано с предстоящей свадьбой?

— Нет! — Ао Чэнь не желал вдаваться в подробности этого вопроса.

— Небесный король Ао, я редактор вашего фан-клуба. От лица всех ваших поклонников хочу заявить: какое бы решение вы ни приняли, мы поддержим вас так же, как и прежде, и желаем вам счастья! Наш единственный вопрос: уходя из шоу-бизнеса, не пожалеете ли вы?

— Нет, я не жалею! — последовал твердый и уверенный ответ. На его губах играла улыбка, но глаза оставались холодными. — Это решение было тщательно обдумано. Я не хочу, чтобы моя дальнейшая жизнь продолжала подвергаться вторжениям. Будучи публичной персоной, я нахожусь под постоянным прицелом внимания, и стоит мне оступиться, как меня тут же забросают камнями. Из-за этого я не мог выставить свои чувства на показ, из-за этого мой возлюбленный не мог открыто быть со мной... Ради собственной свободы в будущем я и принял такое решение! Спасибо!

— Как ваш возлюбленный отреагировал на столь серьезное решение об уходе из сцены?

— Я не знаю, я с ним не советовался! — камера снова крупным планомхватила красивое лицо Ао Чэня. Было видно, как он выпрямился, строго посмотрел в объектив и произнес: — Хань, если ты видишь это, пожалуйста, вернись! Клянусь, впредь я буду беречь тебя и больше никому не позволю обидеть. Вернись, Хань!

— Щелк...

Как только его слова замолкли, на экране началась реклама, и Мин Юэ выключила телевизор. Она нежно погладила Ханя по лбу и мягко произнесла:

— Ян, очнись, умоляю тебя! Ты слышал, что он только что сказал? Он ушел из шоу-бизнеса ради тебя! Если ты проснешься, сестра обязательно расчистит все препятствия, и вы сможете спокойно быть вместе, хорошо?

Лежавший на кровати человек по-прежнему хранил молчание. Всё вокруг казалось пугающе тихим. Он по-прежнему был прекрасен, безмятежен — словно просто спал...

— Братик, умоляю тебя, открой глаза! — слезы Мин Юэ капали прямо на лоб Ханя. Всегда сильная, стойкая перед лицом любых невзгод, превосходившая в твердости характера многих мужчин, сейчас она чувствовала себя совершенно беспомощной. Ради родного по крови младшего брата она пролила уже слишком много слёз!

— Ян? — внезапно она заметила, как из уголка глаза Ханя медленно скатилась слеза. Переполнившись радостью, она тут же нажала кнопку экстренного вызова у изголовья: — Ян, ты очнулся?

Но... в ответ ей по-прежнему царил тишина. Помимо размеренного пиликанья медицинских приборов в комнате не раздавалось ни звука.

Дверь палаты отворилась спустя мгновение, и Мин Юэ тут же бросилась вперед, вцепившись в халат Ланса, и затараторила срывающимся голосом:

— Лан, скорей взгляни! Он только что слышал передачу по телевизору и заплакал! Посмотри на него, неужели ему уже лучше? Неужели он скоро очнется?

— Юэ, успокойся сначала, дай мне осмотреть Мин Яна, а потом мы поговорим, хорошо? — мягко сжав её плечи, успокоил Ланс.

Следовавшая за ним медсестра уставилась на спину Ланса с таким лицом, будто увидела призрака. С каких это пор их холодный главврач стал таким нежным? Куда делся этот улыбчивый дьявол? Она испуганно озиралась по сторонам, опасаясь, что на Ланса нашло какое-то помрачение рассудка!

— Медсестра Чжоу, вы здесь для того, чтобы витать в облаках? — Ланс улыбнулся, глядя на неё, но странный блеск в его глазах выдавал его с головой. Он прекрасно понимал, что творится в головах персонала, но ради создания безупречного образа в глазах Мин Юэ мягкость была обязательной, а шуточки — под запретом!

— Простите, — на лбу медсестры проступили три черные полосы. И правда, его мягкость проявлялась лишь по отношению к определенному человеку, а всё остальное — лишь видимость. Главврач ничуть не изменился!

Проведя серию подробных манипуляций и настроив показатели аппаратуры, Ланс покачал головой, подошел к Мин Юэ и произнес со всей серьезностью:

— Юэ, его слезы — всего лишь рефлекторная реакция организма, это еще не предвестник пробуждения, ты...

— Неправда! Он обязательно проснется, ты врешь! — не дав ему договорить, Мин Юэ оборвала его, наотрез отказываясь принимать такой вердикт. — Раз у него нет чувств, с чего бы ему плакать? Он точно скоро очнется!

— Юэ, возьми себя в руки, успокойся, — встряхивая её за плечи, Ланс чувствовал себя

отчаянно измотанным из-за её фанатичной привязанности к брату. Рывкнув на неё, он тут же сбавил тон: — Даже если он придет в себя, это дело не одного-двух дней. Тебе нужна терпеливость, нельзя же так срываться. Темная Империя не может обойтись без тебя, понимаешь?

— Лан, я... — спустя мгновение Мин Юэ наконец совладала с собой. Скосив взгляд на лежащего ангела-брата, она глухо вздохнула: — Лан, ты должен сделать что угодно, но спасти его, ладно?

Он не мог просто так провести всю жизнь, неподвижно лежа на больничной койке. Они ведь только-только нашли друг друга, они с братом еще даже не успели насладиться семейным теплом, разве может его жизнь оборваться вот так?

— Хорошо, не переживай. Спасти его — моя главная цель на эту жизнь, обещаю!

Прижав голову Мин Юэ к своей груди, Ланс впервые в жизни давал подобное обещание. И хотя он понимал, что надежда призрачна, веры и решимости было достаточно. Будущее таило в себе бесконечные перемены, и, возможно, чудо действительно произойдет.

Утренний сон разбужен редким звоном колокола, легким шагом взрываю в облака и туман;

Судьба свела с бессмертным Ань Ци-шэном, повсюду встречаю владычицу цветов Олю Хуа.

Осенний ветер так бессовестно свиреп — сдул до конца цветы в нефритовом колодце;

Любуемся мы лотосами размером с лодку, едим зизифус величиной с арбуз.

Изящная юная дева с распущенными волосами прекрасна ликом и речами мудра;

Остроумные шутки в споре о сокровенном, на живом огне варят свежий чай.

Пусть нет у меня секретов бессмертия высших сфер, но скитаться в радости — нет конца;

Раз жизнь такова, к чему возвращаться в родной дом?

Встаю, одергиваю одежды, сажусь, укрывшись от шума и суеты;

Сердце знает — их не узреть, но мысль за мыслью тоска не отпускает. (Ли Цинчжао, «Утренний сон»)

Месяц спустя. Гремевший в прошлом на всю страну небесный король Ао вошел в совет директоров корпорации Чжо в качестве молодого господина семьи Чжо и занял пост генерального директора! Эта новость повергла всех в шок, а фан-клуб короля Ао даже выпустил официальное заявление о том, что отныне будет всемерно поддерживать корпорацию Чжо!

Имя истинной суперзвезды вновь заполонило все заголовки: пресса снова вытащила на свет божий и его прошлые несуществующие романы, и недавнюю болезнь.

...

...

Просматривая всевозможные новостные сводки, Мин Юэ читала их Ханю слово за словом в надежде добиться хоть какого-нибудь отклика, но... все эти прекрасные надежды разбивались о глухую стену, словно брошенный в океан камень! За исключением той единственной новости пятидневной давности, вызвавшей в нем крошечную реакцию, сейчас он выглядел стопроцентной спящей красавицей! Вот только... сможет ли принц поцелуем разбудить эту спящую красавицу?

— Ян, почему ты до сих пор не просыпаешься? Неужели ты хочешь пролежать так всю жизнь? Или... ты действительно больше ни к чему в этом мире не привязан? До чего же ты жесток...

Переполненные слезами глаза Мин Юэ пылали негодованием. Сама она никогда не любила, поэтому не могла постичь мысли Ханя; она никого не знала в этом чувстве, поэтому не понимала величия любви, не бросала вызов запретным чувствам и не могла осознать истинный смысл любви, непонятной для обывателей... И всё же, хоть она и не разделяла решение Ханя, она поддерживала этого с таким трудом обретенного брата. Пусть его поступок был столь экстремальным, она оставалась на его стороне — лишь потому, что он был её единственным кровным родственником...

В секретной лаборатории в подвале больницы Ланс был полностью поглощен проведением какого-то тайного эксперимента. Он неотрывно следил за изменениями на приборах, и выражение его лица то озарялось восторгом, то омрачалось разочарованием, то сменялось победным возгласом, то тяжелым вздохом... Но в целом радостных моментов у него всё же было больше, чем досадных.

Внезапно его взгляд изменился. Он бросился к стоявшему в дальнем углу последнему аппарату и принялся судорожно крутить тумблеры и настраивать параметры. Спустя долгое время он выпрямился во весь рост и торжествующе уставился на прибор — эта улыбка... в ней было столько самодовольства, что кому-то непременно захотелось бы набить ему морду.

Наконец, окончательно откалибровав все приборы и сверив данные, он сохранил файлы, заблокировал их паролем, запер защитную дверь лаборатории и широким шагом направился навстречу яркой жизни...

— Юэ, — ворвавшись в больницу и распахнув дверь палаты Ханя, Ланс застал Мин Юэ стоящей у окна. Она смотрела на пейзаж снаружи и, должно быть, о чем-то думала. Этот одинокий силуэт заставил его сердце сжаться от боли. Подойдя бесшумно к ней, он приобнял её за плечи и произнес: — Я завершил исследования, можно переходить к следующему этапу!

— Лан, скажи... жизнь для него — благо или проклятие? — в глазах Мин Юэ не было ни единой соринки, лишь безмятежная гладь. Спросив Ланса, она словно обратилась к самой себе.

— Жить — значит надеяться!

— Верно, пока живешь — есть надежда, а умрешь — не останется ничего.

Независимо от того, очнется ли Хань, независимо от того, что принесет им завтрашний день, Мин Юэ верила, что будет заботиться о нем до тех пор, пока сердце одного из них не перестанет биться. А если наступит тот день, когда Хань так и не откроет глаза, она позволит ему уйти вместе с ней из этого мира, чтобы продолжить их сестринско-братские узы в каком-

нибудь другом месте!

— Юэ, как думаешь, кто у нас родится — мальчик или девочка?

<http://bllate.org/book/21153/2144350>